

## PERSONALIA



М. А. Новикова

ПРОФ. Ю. А. КАРПЕНКО: НАША ПЕЧАЛЬ  
И РАДОСТЬ

Уход в мир иной проф. Ю. А. Карпенко (1928-2009) – это, конечно, наша общая печаль. Не только потому, что ушел от нас первоклассный, европейски известный ученый, непоказной эрудит и недемонстративный академик, ономаст “от Бога” (и от Украины!), основатель двух (по крайней мере) научных школ, терпеливый пастырь многочисленных молодых (и не очень уже молодых) питомцев и коллег. Хотя и этого перечня достаточно, чтобы понять, насколько яркой была личность нашего соратника, ушедшего туда, где (по словам поминальной молитвы) “несть печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная”. Однако мне хотелось бы поразмыслить еще о том, какую “жизнь бесконечную” оставил Ю. А. нам – пока еще посюсторонним его современникам.

Он был легким и веселым. Таким я запомнила его с 1986 года, когда лично познакомилась с ним на заседаниях спецсовета по общему языкознанию, русскому и германским языкам при Одесском университете, – спецсовете, членом которого я как раз тогда стала и оставалась до середины 1990-х. Веселым и легким встречал он меня и потом, в Национальной Академии наук Украины, на различных конференциях и других научных форумах. Такие же звонки и летучие открыточки продолжала я получать от него почти до конца его земных дней.

А быть веселым и легким было в те поры ох как нелегко! Вспоминаю заседание спецсовета в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ (куда я перешла из одесского спецсовета). Та самая середина 1990-х... Отопление еле дышит; свет поминутно (“веерно”) отключают; профессура (а тем паче младшие сотрудники) живут на “пайковом” режиме – т. е. попросту говоря, подголаживают. Но когда бы ни встречала я нашего Ю. А. (стройного, как всегда; галантного и брызжущего идеями, как всегда), – казалось: всё хорошо! Солнце над нами и нашей филологией светит; перспективы (мнившиеся уже весьма и весьма проблематичными) прояснились; жизненный и исследовательский азарт Ю. А. увлекал и заражал.

Научные идеи и гипотезы действительно били из Ю. А. ключом. Была я, например, свидетельницей рождения его “украинской гипотезы”: той, что дала впоследствии толчок для целого ряда статей и даже монографических исследований. Сразу же оговорюсь: далеко не все – и тогда, и после – разделяли его идею “дунайской прародины” украинцев или (хотя бы) его ономастическую дихотомию “Славуты – Онуты” (Днепра – Дуная/Днестра) как наименования пространства открытого: закрытого. Но тут следует вспомнить “экстралингвистические факторы”, порождающие каждую крупную лингвокультур-

ную догадку. То было самое начало 1990-х: подлинная “весна народов” всего бывшего СССР, интеллектуальный подъем и эмоциональный энтузиазм, – короче говоря, эпоха национального романтизма. И совсем не укором маститому уже тогда ученому считаю я тот факт, что его идеи всегда имели свой собственный (по М. Бахтину) хронотоп: свое неповторимое время и место рождения. Это лишь доказывает, что они были живыми – и адресовались живым. Остальное – дело скрупулёзной последующей их проверки, поиска дополнительных аргументов и контраргументов.

Да, была упомянутая гипотеза отмечена (на мой взгляд) не только своим реальным, “дофилологическим” временем, но и своим реальным “дофилологическим” пространством. Так и ощущалось (особенно в наших устных беседах), как хочется его автору “приблизить” этно- и глоттогенез Украины к любимому Подунавью, к местам своей научной и человеческой молодости, сделавши их ещё и местом исторической молодости восточного славянства.

Быть может, именно этот постоянный личностный фактор, эта вовлеченность и увлеченность делала Ю. А. открытым и для идей, гипотез, предложений и замечаний, высказываемых другими. (Черта, прямо скажем, не всем ученым присущая). Вспоминаю один эпизод из своей оппонентской практики, связанный с Ю. А. Защищалась кандидатская диссертация по ономастикону русской литературной фантастики XX в. Воздав должное её достоинствам, я высказала, в тоже время, немало замечаний и предложений. Так, было отмечено, что такой признак НФ-онимов, как экзотизм, особых доказательств не требует. Зато более углубленного анализа требует признак антропоцентризма. Одно дело, когда антропонимом зовут человека, совсем другое – когда так именуют робота или инопланетянина. Предлагалось также больше внимания уделить этноцентризму НФ-онимов: ведь “не наши” имена любимые НФ-писатели в состоянии сочинить лишь по модели имен “наших” – только, как правила, инонациональных, притом этнически далеких. Следовательно, социокультурный статус НФ-онимов сближается с аналогичным статусом онимов-варваризмов. Наконец, дополнительной разработки ожидает проблема оценочности НФ-онимов. Оценка возникает всегда в определенном коннотативном поле; оно, в свою очередь, детерминировано полем ассоциативным, – а какое устойчивое, “запрограммированное” ассоциативное поле могут иметь онимы НФ?..

Ю. А. был научным руководителем этой работы; он вполне мог отреагировать на мои замечания (да вдобавок пространно изложенные) как на придирки “злостного оппонента”. Ни он, ни

его подопечная так не отреагировали. Наоборот, замечания (как шутил Ю. А.) “пошли в научный котел для дальнейшего довариванья блюда”. Хочется надеяться – на пользу этому блюду.

Другой эпизод может проиллюстрировать филологическую пылливость, фактологическую “жадность” Ю. А. как учёного. Попалась ему в одном из англоязычных художественных текстов аллюзия на некую Фанни Брон. Все исследователи по собственному опыту знают: любой трудно расшифровываемый факт всегда можно “обогнуть”, притом без чрезмерного ущерба для самого исследования... Но нет, не таков был Ю. А.! Подобно гончей, “взявши” ономастический “след”, он шёл по нему до конца. Меня осыпал дождь “открыточек”: откуда это? кто это? Каюсь: в суматохе вузовских и творческих дел я как-то не придавала значение этой “малости” не написала сразу же, что Фанни Брон – невеста Джона Китса, предмет его неистовой предсмертной любви, так и не успевшая стать его женой. Не ответила Ю. А. вовремя – а теперь уже не смогу ответить никогда...

Наконец, позволю себе привести третий мемуарный эпизод, который, по-моему, столь же выразительно портретирует Ю. А. как ученого, только портретирует от обратного (или, по формуле А. Ахматовой, методом “теневого портрета”).

Выше уже упоминалось, как терпелив и лоялен был Ю. А. по отношению к научной молодежи. Лоялен – но не либерален. Начисто лишенный такого “исследовательского” качества, как банальность, Ю. А. умел не без юмора, но неуклонно отучать от нее молодых исследователей, в особенности диссертантов. Будучи председателем спецсовета, Ю. А. по регламенту имел право задавать вопросы и выступать в дискуссии исключительно последним. Чаще всего выступления эти (по моим наблюдениям) объединяли разные точки зрения дискутантов в некое динамичное целое – в живую, а потому диалектическую интерпретацию рассматриваемой проблемы. В этом смысле он был не учёным-“примирителем”, а учёным-“миротворцем”. Не существовало для него и банальных тем в науке – банальными могли быть лишь подходы к теме.

Итак, помнится: ранее лето; последнее заседание одесского спецсовета перед каникулами; тема диссертации вполне бесконфликтная (о терминологии кораблестроения). Диссертантка добросовестно собрала надлежащий материал, но на революционные открытия явно не претендует. Процедура защиты доходит до вопросов к соискательнице, а вопросы – до последнего вопрошающего, т.е. до председателя спецсовета. Ю. А. – задумчиво, но с плутоватой искоркой в глазах: “– У меня только один вопрос. Чем, по

Вашему мнению, отличаются: не предметно, а сугубо лингвистически, т. е. не для кораблестроения, а для языкознания, – так чем же принципиально отличаются термины кораблестроения от терминов – ну, скажем, самолётостроения?..”

В зале спецсовета повисает мёртвая тишина. Ответа диссертантки не помню; помню, что спасал её все тот же Ю. А. (“– Вы, вероятно, имели в виду?..” – следовала россыпь идей. Диссертантка, голосом из загробья: “Да... Именно это мы собирались развить в нашем дальнейшем исследовании...”). Так я запомнила ещё один урок весёлого и мудрого Наставника. Любое научное поражение – это всегда плохо; никого не нужно до него доводить. Единственное, что в науке (да

и в жизни) ещё хуже – это мнимая победа. На эту опасность и надо вовремя указывать молодым.

Когда от нас уходят близкие люди, расхожая поговорка утешает: “Все там будем”. Но Ю. А. был ономастом. А ономастика не любит собирательных местоимений; она любит времена, места и судьбы со своим собственным именем. “Все” мы – разные. Поэтому неодинаково этим “всем” будет и “там”; по-разному остаются они и “здесь”, в нашей памяти. Оттого такой печалью отзывается личное – научное и человеческое – отсутствие среди нас проф. Ю. А. Карпенко. И оттого же так радостно ощущать его продолжающееся живое присутствие – и в “здешних”, и в “тамошних” духовных измерениях.